

Рассвело. Цяо Сын-нянь и Жуань Чжи-чжэнь встретили старосту Чана, который вернулся, разыскав местных жителей, державших чайную у большой дороги. Он попросил их присмотреть за Цзинь Чэнем и Гэн У, а сам на повозке поспешил обратно за своими спутниками.

— Не волнуйтесь, молодой господин, — Чан, вспоминая события минувшей ночи, не мог сдерживать дрожь и позволил себе лишнее, — я часто останавливаюсь в той чайной, когда езжу в Аньпин, это добрые и знакомые люди. Берегите себя, молодой господин, если с вами что-то случится, как же быть клинике Шаншань?

Жуань Чжи-чжэнь не хотел продолжать этот разговор. Отбросив в сторону все соображения о связях с домом Чжэньбэй, он понимал: он просто не смог бы смотреть, как четырехлетнему ребенку вырезают коленные чашечки.

— Вы заявили властям? — спросил Цяо Сын-нянь, не открывая глаз. Столько трупов на тракте рано или поздно привлекут внимание чиновников.

— Я отправил сына хозяина чайной в Аньпин с известием, а сам попросил деревенских найти кого-то, кто умеет управлять повозкой. Если господин Цяо не может ждать, я попрошу его отвезти вас в город, — Чан был глубоко признателен Цяо Сын-няню. Он знал, что тот торопится, а сам он уехать не мог, поэтому старался устроить всё как можно лучше.

— Я поеду вместе с Сын-нянем, — кивнул Жуань Чжи-чжэнь. — Цзинь Чэня нужно как можно скорее доставить в дом Чжэньбэй. Раз эти люди осмелились напасть на них в Северных землях, значит, они настолько обнаглели, что не остановятся.

Цяо Сын-нянь был только рад: сейчас из всего имущества у него осталась только повозка, а с Жуань Чжи-чжэнем он хотя бы не будет тратить на еду в ближайшие дни.

Чайная стояла на развилке. Над очагом у двух мазанок с соломенными крышами поднимался пар, и аппетитный аромат разносился далеко вокруг. Чан помнил, что Цяо Сын-няню лучше держаться подальше от огня, поэтому, заметив, что тот проснулся, почуяв запах еды, он даже не стал останавливать повозку, а лишь замедлил ход.

— Почему мы замедлились? — спросил Жуань Чжи-чжэнь. — В чайной что-то не так?

Людей там действительно было слишком много для середины утра. Кто-то, увидев их повозку, даже направился навстречу.

— Остановитесь. Я здесь сойду, — сказал Цяо Сын-нянь. — Я обойду через поля, а вы поезжайте вперед. Привезите мне поесть, я буду ждать вас дальше по дороге.

Мужчины из деревни Дахэ с изумлением наблюдали, как повозка остановилась, из нее вышел

изящный юноша в белоснежных одеждах и, прижимая к груди длинный футляр, пошел краем поля, широкой дугой обходя их стороной, чтобы снова выйти на тракт. Старейшины и староста, переглянувшись, больше не решались приближаться к повозке.

Что происходило там, Цяо Сын-нянь не знал. Вместе с едой, которую он просил, к нему привезли и четырехлетнего Цзинь Чэня.

— Господин Цяо, прошу прощения, — смущенно проговорил Чан. — Деревенские были слишком навязчивы, а маленький господин боится чужих и настоял на том, чтобы поехать с вами. Вы уж...

Цяо Сын-нянь приподнял бровь: неужели он сам не был для ребенка чужим?

— Идите, занимайтесь своими делами, — Цяо Сын-нянь откусил кусок паровой булочки, заедая его мясом в соусе. — А соус здесь неплох.

— Благодарю, господин Цяо! Я попрошу их собрать вам еды в дорогу.

Цзинь Чэнь, пользуясь тем, что ему всего четыре года, спросил тонким детским голоском:

— Ты Цяо Сын-нянь, старший брат Цяо Сын-вэня?

Значит, он знаком с Сын-вэнем. Цяо Сын-нянь посмотрел на пухлого, словно выточенного из нефрита ребенка, и у него зачесались руки.

— Именно так! Я старший брат Цяо Сын-вэня. Скажи, ведь Сын-вэнь очень милый?

Цяо Сын-вэнь — милый? Это звучало как самая нелепая шутка на свете. Цзинь Чэнь, уловив в улыбке Цяо Сын-няня нотки угрозы, ответил вопреки совести:

— Очень милый.

— Ха-ха-ха, у тебя хороший вкус! — Цяо Сын-нянь не выдержал, отложил палочки и ущипнул его за щеку. — Ты тоже очень милый. Приходи к нам в гости, поиграем.

Значит, если сказать, что не милый, то в гости не позовут?

Цзинь Чэнь не был знаком с Цяо Сын-вэнем в этом возрасте и, боясь проговориться, предпочел замолчать. Когда Цяо Сын-нянь закончил есть, мальчик потер глаза и сказал, что хочет спать.

Дети быстро утомляются. Цяо Сын-нянь хотел помочь ему раздеться, но Цзинь Чэнь отказался,

сам скинул верхнюю одежду, разулся и нырнул под одеяло. Цяо Сын-нянь тоже прислонился к стенке повозки и, сытый и довольный, вскоре уснул.

Когда дыхание Цяо Сын-няня стало ровным, Цзинь Чэнь перевернулся на спину. Проснувшись, он вернулся в девятый день седьмого лунного месяца двадцать третьего года правления Жуйсин. Его ноги, которые вчера должны были стать калечными, были целы, а человек, чьи таланты могли бы служить государству и который должен был погибнуть два дня назад, спал рядом. Никакой возвышенной добродетели, о которой все твердили, он не заметил — скорее, некая бесшабашность и упрямство. Пришлось признать: он действительно родной брат Цяо Сын-вэня.

Повозка тряхнулась. Цяо Сын-нянь открыл глаза и увидел, что Жуань Чжи-чжэнь, сжавшись в углу, спросил:

— В деревне наверняка есть кому управлять повозкой, найти другую не составит труда?

— Повозку я отдал Гэн У. Он ранен, ты ведь не хочешь, чтобы я теснился с ним? — Жуань Чжи-чжэнь огляделся, не видя деревянного футляра, и спросил: — Где твои насекомые пяти ядов?

— Что такое? Господин Жуань припас для них что-то вкусненькое? — Цяо Сын-нянь усмехнулся. — Или хочешь взглянуть?

— Я их уже видел, — серьезно ответил Жуань Чжи-чжэнь. — Обладание драгоценностью — само по себе беда. Сын-нянь, ты оказал услугу дому Чжэньбэй, в Северных землях тебе нечего бояться, тебе больше не нужны эти твари! Впереди еще несколько деревень, кто знает, когда снова встретится огонь.

Жуань Чжи-чжэнь уже узнал от Чана, что Цяо Сын-нянь останавливался в клинике Шаншань в уезде Диншань, и слышал о ласточках в заброшенном храме — подробностей Чан не знал, но собирался расспросить Бай Лин.

Цяо Сын-нянь, прижимая к себе пороховой заряд, сам нервничал. Но те люди в черном утверждали, что им нужны деньги — кто знает, правда это или нет? Может, они снова появятся. Да и Юань Бинь, неизвестно, приготовил ли он еще какие-то козни. Черный порох уничтожать нельзя.

Понимая, что Жуань Чжи-чжэнь желает ему добра, Цяо Сын-нянь улыбнулся:

— Я подумаю. Спасибо!

Цзинь Чэнь наблюдал за их иносказательной беседой. Он знал, что насекомые пяти ядов — это твари, вскормленные на ядах. Некоторые использовали их, чтобы проверять еду и одежду на наличие отравы. Хотя их было трудно вырастить, наличие нескольких штук вряд ли могло стать

причиной больших бед.

Цзинь Чэнь поднял личико:

— Брат Цяо, ты разводишь насекомых? У меня тоже есть паучок, очень красивый.

Цяо Сын-нянь решил его припугнуть:

— Да! У меня живет огромный тигр, днем он бежит за повозкой по полям, а ночью выходит в дозор и спит рядом, подставив мне брюхо вместо кровати. Если ты ночью будешь плакать и мешать мне спать, он скажет «ам» и проглотит тебя.

— Хи-хи-хи, — Цзинь Чэнь не знал, как ведут себя другие дети, но от того, как Цяо Сын-нянь размахивал руками, ему стало смешно, и он рассмеялся.

— Ха-ха, почему ты смеешься, как курица, снесшая яйцо? — Цяо Сын-нянь подхватил его и начал тискать. — Какой же ты милый!

Цзинь Чэнь, весь окоченев, вырвался из его объятий:

— Мужчинам и женщинам не подобает касаться друг друга!

— О, маленький взрослый, сколько же вам лет? — насмешливо поклонился Цяо Сын-нянь.

— Мне только исполнилось четыре, я уже начал учиться, знаю наизусть Сто фамилий и Тридцатисловие, — Цзинь Чэнь выпятил грудь, ожидая похвалы.

Цяо Сын-нянь поддразнил его:

— О! Наш Сын-вэнь в четыре года тоже это знал, и даже писал много иероглифов!

Не может быть. Почерк Цяо Сын-вэня был ужасен, как каракули червя, как он мог писать в четыре года? Неужели он был вундеркиндом, который с возрастом растерял талант? Или это из-за того, что не стало великого ученого Цяо?

Видя, что Цзинь Чэнь сначала опешил, а потом с восторгом посмотрел на него, Цяо Сын-нянь мысленно похвалил себя: Сын-вэнь, не говори, что брат тебя не любит, даже перед лицом смерти я нашел тебе друга. Это же младший господин дома Чжэньбэй! Дружба, зародившаяся в детстве в этом странном мире, всегда крепче.

— Играй с ним почаще, пусть он тебя учит. У нас дома еще много вкусного, обязательно

попробуешь.

Пусть его учит Цяо Сын-вэнь? Ну уж нет. Но Цзинь Чэнь, который вовсе не был таким уж лакомкой, закивал как заведенный.

Два человека с не самыми чистыми помыслами пришли к «консенсусу».

Жуань Чжи-чжэнь с противоречивыми чувствами смотрел на то, как Цяо Сын-нянь охмуряет Цзинь Чэня. Он чувствовал, что чем больше узнает этого человека, тем меньше его понимает. Он без колебаний помогает попавшим в беду, готов жертвовать состоянием и жизнью, чтобы опасное оружие не попало в руки злодеев, и при этом, не моргнув глазом, использует ребенка, чтобы укрепить связи с домом Чжэньбэй. Добрый, бесстрашный, хитрый и открытый — на него невозможно было злиться.

Новости, которые приходили раньше, были лишь поверхностными. Цяо Сын-нянь определенно не прост. Управляющего отделением клиники Шаншань в Яоцзине пора сменить.

Возница из деревни не решился ехать ночью. Они могли бы остановиться у крестьян, но Цяо Сын-нянь настоял на ночевке в поле. Жуань Чжи-чжэнь, опасаясь, что их присутствие навлечет на жителей беду, приказал возницам отвезти повозку в сторону от тракта, а самим пойти ночевать в деревню и вернуться утром.

Старый возница с поклонами, извинившись, ушел вместе с молодым.

Цяо Сын-нянь размочил лепешку в холодной воде, покормил Цзинь Чэня и заставил его делать разминку на траве:

— Раз, два, три, четыре — вправо, два, два, три, четыре — влево. Вот так, еще раз...

Жуань Чжи-чжэнь смотрел, как Цяо Сын-нянь, уперев руку в бок, делает боковые наклоны, а потом выпады, совершенно не заботясь о том, как это выглядит со стороны, и вдруг почувствовал зависть.

Там уже начались прыжки.

— Тело прямо, прыжок в стойке, ноги шире плеч, хлопок над головой, прыжок — ноги вместе, хлопок по бедрам. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь... Что такое? Не наелся? Давай еще лепешку размочу? Вот именно, прыгай! Жизнь — это движение! Три, два, три, четыре...

— Маленький господин с тех пор, как покинул Яоцзин, не был таким веселым, — заметил Гэн У. Его лицо было бледным, как бумага, но, по словам Цяо Сын-няня, он был «железным» человеком: еще вчера лежал окровавленный, а сегодня уже ходит. Если бы это был он сам...

нет, лучше не думать об этом.

— Ты называешь это весельем? — Жуань Чжи-чжэнь указал на Цзинь Чэня. — Разве это не «жизнь без радости, вынужденное подчинение и смирение»?

— Молодому господину стоит поскорее обзавестись семьей. Станете отцом — поймете: если бы он не хотел, он бы уже устроил скандал, — с легкой улыбкой ответил Гэн У. — Господин Цяо очень нравится детям.

Если бы Цзинь Чэнь действительно был четырехлетней, опыт Гэн У был бы верным. Но в крошечном теле ребенка жила огромная душа, и он действительно чувствовал жизнь без радости и вынужденное смирение.

Жуань Чжи-чжэнь вздохнул:

— И то верно.

Бай Лин, пообщавшись с ним всего десять дней, по возвращении домой каждый день только о нем и говорила. Спустя время стала упоминать реже. О том, что в доме Цяо случилась беда, он не посмел ей сказать, боясь, что она наделает глупостей. Похоже, он поступил правильно. Цяо Сын-нянь не обратился за помощью к первому принцу, значит, у него свои планы, и вмешательство клиники Шаншань могло только всё испортить.

<http://bllate.org/book/19132/1878996>